

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ТЕМНОЙ ДУШИ

Ольга Володарская

Две половинки темной души

«ЭКСМО»

2013

Володарская О. Г.

Две половинки темной души / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2013

У Тани была большая семья, но ни с кем из родственников она не общалась: родители давно умерли, а братья-сестры после интерната разъехались кто куда. И вдруг в городе появился старший брат Илья, а следом и остальные – средний брат Ромка и близнецы Мэри и Дэн, которых когда-то усыновили американцы. Однако вместо радостной встречи случилось нечто невообразимое... Дэн не сразу понял, что произошло с лицом женщины. Оно напоминало ритуальную маску, испещренную линиями. Но это оказались порезы. И в них прослеживалась система. Вроде бы они складывались в буквы. Он помнил русский алфавит и с трудом прочел: П Р О С Т И... На лице вырезано слово «прости»! И только тут до Дэна дошло – женщина мертва...

© Володарская О. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Володарская

Две половинки темной души

Пролог

Жертва должна была появиться с минуты на минуту.

И вот дверь туалета открылась. Послышались шаги. Влажные от волнения пальцы убийцы сжали рукоятку ножа.

Медлить было нельзя. В любой момент кто-то мог войти в туалет, и тогда все может сорваться.

Жертва открыла дверь кабинки, увидела убийцу и ойкнула. Они были знакомы, и она не испугалась, просто удивилась.

Нож вылетел вперед, погрузившись лезвием в мягкие ткани живота. Жертва охнула и стала падать. Она навалилась на убийцу всем телом, и они вместе упали и снесли унитаз, на кафельный пол потекла вода. Чтобы не промокнуть, пришлось выбраться из кабинки, перешагнув через жертву. Она была еще жива. Шумно дышала, тараща полные ужаса глаза...

Пришлось ударить ее ножом еще раз. И еще. Глаза закатились. Дыхание оборвалось.

Можно уходить. Но осталось добавить последний штрих. Рука, обтянутая перчаткой, достала из кармана другой нож. Гораздо меньше того, которым были нанесены смертельные раны жертве.

На мертвом лице появилось слово из шести букв. Потом нож упал на пол, и стукнула, захлопываясь, дверь туалета. Убийце повезло: никто ничего не видел.

Часть первая

Глава 1

Их было пятеро. Три брата, две сестры

Старший, Илюша, появился на свет, когда родители еще не пили. В нормальной молодой семье, где папа – тракторист, а мама воспитатель в детском саду.

Следом за ним родилась Танюшка. Тогда отец уже начал прикладываться к рюмке, за что мать его ругала и грозилась подать на развод, если он не завяжет.

Третьим был Ромка. Благодаря ему их семья получила большую квартиру. Это событие отец обмывал, кажется, месяц, но и мама от него не отставала. Когда она вышла из декрета, продолжала попивать. За это ее перевели из воспитателей в няньки. Отец к тому времени тоже сменил работу. Трактор он уже водить не мог, только сторожить гараж.

Данилка и Маринка родились последними. Оба больные. У мальчика была недоразвитая левая рука – короткая и всего с тремя пальцами, а девочка ничего не слышала. С горя отец запил вообще по-черному. А мать взялась за ум, закодировалась и всю себя посвятила больным детям. Вот только ненадолго ее хватило. Через два года она вновь начала прикладываться к бутылке, а через три (всего за двенадцать месяцев!) превратилась в настоящую пропойцу. Под стать своему мужу.

Органы опеки отобрали у алкоголиков детей, когда Илюше исполнилось четырнадцать, Танюшке одиннадцать, Ромке восемь, а близнецам по четыре. Всех поместили в детдом. Отец больше детей не видел, как будто забыл о них. Мать навестила их три раза за год. Трезвой была только в свой первый визит. Пришла с подарками. Игрушек принесла, сладостей. Ласкала детей, много плакала, клялась, что завязала, и обещала добиться, чтобы ребят вернули домой. Те ей верили!

Во второй раз она явилась в состоянии, именуемом в народе «большой бодун». Опять с гостинцами: печеньем и яблоками, что насобираала в заброшенном саду. Яблоки оказались ужасно кислыми, а печенье просроченным, поэтому пахло прогорклым маргарином, но дети были так рады матери, что с удовольствием уплели все, что она принесла. Она опять их ласкала, плакала, клялась их забрать, причем даже больше, чем раньше. Но Илюша ей уже не верил.

Третий визит матери состоялся только спустя полгода. Явилась она пьяная и с пустыми руками. Младшие все равно к ней с радостью кинулись. Ромка разок обнял и отошел. А старшие – Илюша с Танюшей – развернулись и ушли. Не захотели с пьяной разговаривать. Не знали они тогда, что видят ее в последний раз.

Через две недели ребятам сообщили страшную новость – их родители умерли. Отец взревновал супругу к собутыльнику, обоих зарезал. Когда понял, что натворил, удавился.

Дети остались сиротами.

Старшему на тот момент едва исполнилось пятнадцать, малышам пять. Илюша уже учился в училище, а Данилка и Маринка готовились к переводу в специнтернат для инвалидов. Их давно собирались туда перевести, да разлучать с семьей не хотели.

Но первым детский дом, как это ни странно, покинули не они, а Ромка. Его усыновила бездетная семья из областного центра. Почему именно его, а не мальчишку помладше и посимпатичнее (красивых детей охотнее забирали, а Ромка был невзрачным), можно только гадать. Но никто этим не заморачивался, все просто решили, что пацан – счастливчик, и пожелали ему удачи в новой семье.

Вскоре двойняшек перевели в другой интернат. А там, спустя несколько месяцев, их приметила американская семья. Прибыла она в Россию специально для того, чтобы найти ребенка-

инвалида, которого можно усыновить. Данилка сразу иностранцам понравился. Он был невероятно хорошенький, черноглазый, улыбочивый. Причем улыбка застенчивая, она всех подкупала. Американцев тоже не оставила равнодушными. Они сразу решили усыновить Данилку. А когда узнали, что у него еще сестренка есть, то и ее на воспитание взяли. Не разлучать же близнецов!

Остались Илюша и Танюша вдвоем. Но ненадолго. Старший брат, получив диплом автомеханика, отправился в армию. Служил на юге. В Туапсе. Там, демобилизовавшись, и остался. Танюшка больше его не видела, как и остальных братьев и сестру. Отучившись в ПТУ, она устроилась работать в парикмахерскую и тихо зажила в комнатке, полученной от государства.

Глава 2

Спина разламывалась, ноги ныли, пальцы подрагивали от напряжения. Хотелось разуться, раздеться, принять душ, упасть на кровать, закрыть глаза и лежать так не меньше часа. И только потом встать и пройти на кухню готовить ужин. Но Танюшка не могла себе позволить такую роскошь, как часовой отдых. Поэтому, войдя в квартиру, она только разулась и сполоснула руки. После этого сразу на кухню. Даже джинсы и свитер на домашнюю одежду не сменила. Надо сначала воду поставить для риса да сунуть под холодную воду минтай, чтобы скорее разморозился. Прюделав это, Таня наконец облачилась в спортивный костюм из мягкого велюра. Но тут же вернулась в кухню. Необходимо намыть, начистить и нарезать овощей, без них ее мужчины минтай не едят. Нос воротят, говорят, сухой. И если младший еще может закинуть в себя кусочек, обильно полив его кетчупом или майонезом, то старший морщится, отодвигает тарелку, встает из-за стола и уходит в комнату.

Вообще-то по-настоящему «ее» мужчина был всего один. Младший. Сын. Старший же, Костя... Когда Таню спрашивали, кем он ей приходится, она не знала, что ответить. Не муж. Не жених. Бойфренд? Но какой же он «бой», ему уже за тридцать. Друг? Но и это не так. И она стала называть Костю «своим мужчиной». Хотя и эта формулировка не годилась, поскольку он был не совсем ее. А вернее, совсем не ее. У Кости имелась жена, от которой он периодически уходил, и не всегда к Тане. Когда у друга обитал, когда у матери, и тогда к Татьяне просто навевдывался. Но сейчас Костя жил у нее вот уже три недели. Так надолго он еще не задерживался. Таня решила, что это очень хороший знак, и из кожи вон лезла, чтобы не разочаровать «своего мужчину».

Она вышла замуж в двадцать. Родила через два года. А еще через три развелась. Супруг ее, такой же молодой, как и она, категорически не желал взростеть и превращаться в примерного мужа и отца. Будь у Тани родители, на которых можно было оставить ребенка, возможно, семья бы не распалась так скоро. Но ей никто не помогал. А мать и отец мужа жили очень далеко. Поэтому Таня была привязана к ребенку, дому, быту. И хотела, чтоб супруг ей помог. Но тот делал это нехотя, и то только первое время. Потом ему надоело, и свой досуг он проводил в кругу друзей...

В итоге они развелись.

И Тане стало легче. Потому что спокойнее. А денег от мужа она все равно не видела. Зарплату он ей отдавал не всю и еще требовал на карманные расходы. Таня давала, конечно. На проезд и обед. Но этого мужу казалось мало. На гулянки он также брал из семейного бюджета. Просто открывал ящик, в котором деньги хранились, и... Таня, иной раз заглядывая туда, вместо ожидаемых крупных купюр находила только мелочь. А муж, когда ему претензии предъявляла по этому поводу, возмущался. Он считал себя молодцом уже потому, что не выгрбал все подчистую.

Танюшка после развода в финансовом плане даже лучше жить стала. Что заработает, то и их с сыном. А работать она умела. По полторы смены в парикмахерской, а потом еще на дому клиентов принимала. Смогла ремонт сделать, сыну велосипед купить. Да и питались и одевались они теперь гораздо лучше, чем прежде. Вот только Тане одного этого мало было для счастья. Хотелось любви...

Мужа своего она любила недолго. Когда дружили, женихались, расписывались – да. Но как только Таня забеременела, чувство пошло на спад. Дело в том, что любимый как-то сразу к Тане охладел. Он начал воспринимать ее как будущую мать, а не как сексуальный объект, и градус его внимания к жене резко понизился. А она и полюбила его за то, что он поначалу купал ее в обожании. А что еще ждать от девочки, которая выросла в семье, где детей не ласкали, и часть своей жизни провела в детдоме?

Когда они развелись, Тане стало не хватать ласки, а через год так прижало, что тошно делалось. Муж хоть изредка обнимал ее, целовал, слова приятные говорил. Подпитывал, в общем. И без подпитки этой Таня стала «разряжаться», будто аккумуляторная батарейка. Захандрила. От подружек это не укрылось, и они начали ее знакомить с мужчинами. Но Тане никто не нравился. Да и она, двадцатилетняя разведенка с маленьким ребенком, не каждому подходила. После пятого неудачного свидания Танюшка попросила подруг больше не поставлять ей кандидатов в кавалеры. Решила: если ей суждено встретить свою любовь, то это обязательно случится.

Как ни странно, ждать этого пришлось не так уж долго. Год всего. Как-то явился к ней клиент, который сразу ее заинтересовал. Вообще-то Таня была женским мастером, но на дому принимала и мужчин. Обычно это были дяденьки за сорок, которым все равно, как их постригут, главное, что задешево. Новый клиент оказался не в пример прежним молодым и привлекательным. И пришел к Тане не потому, что желал сэкономить. «У вас моя сестра стрижется, – сообщил он ей. – И она вас очень хвалит. А мне на парикмахеров не везет. Они меня прямо таки уродуют. Хотя хожу в хорошие салоны. Вот решил попытать счастья у вас. Стрижки сестры мне очень нравятся...»

Таня усадила клиента в кресло и начала его стричь. Волосы у него оказались удивительно мягкими. Добрый, сделала вывод Танюшка. И красивый. Но это она заметила сразу, как только клиент вошел. Звали его Костей. Работал он в автосалоне менеджером и... был женат. Но лишь формально. С супругой своей Костя сексом не занимался, душевной близости между ними не было, а объединял их только ребенок. Все это Костя выложил Татьяне, пока она его стригла. Девушка подобные слова слышала от многих женатых мужчин, но никому из них она не верила... только Косте!

От жены первый раз он ушел спустя месяц после того, как между ним и Таней завязались отношения. Сказал: «Не могу без тебя», и перевез к ней кое-что из своих вещей. Но домой все же похаживал – повидаться с дочкой. Однажды Таня не дождалась его возвращения. Звонила, но телефон был отключен. Разволновалась, подумала, случилось с ним что-то. Набрала номер Костиной сестры, своей клиентки. Та сообщила, что он вернулся к жене, и просила больше его не беспокоить.

Но Таня, конечно же, побеспокоила его уже на следующий день. Когда оказалось, что телефон любимого по-прежнему выключен, пришла в автосалон, где он работал, и потребовала объяснений. Костя лепетал что-то о дочке, которая по нему очень скучает, а Таня одного не могла понять: почему он сбежал от нее столь трусливо. Да еще мобильный вырубил (как потом выяснилось, еще и сменил номер), чтобы не объясняться. Этим он очень Таню обидел. Однако, когда через месяц Костя вновь появился на пороге ее комнаты, она не прогнала его. Вместе они провели выходные, но в понедельник он вернулся домой. Жена с дочкой уезжали на турбазу, и он воспользовался их отсутствием. А Таня-то уж размечталась...

С тех пор прошло два года. За это время Костя уходил от жены раз семь. Но неизменно к ней возвращался. Таня уже не верила в то, что он это делает только ради дочери. Любил он жену и сексом с ней, конечно же, занимался, а вот душевной близости между супругами действительно не было. Вот Костя и уходил от нее, хлопнув дверью. Но дольше двух недель не выдерживал и возвращался к благоверной. Когда такое случалось, Таня давала себе клятву больше Костю не принимать, но всякий раз ее нарушала. Она очень его любила.

И вот теперь он почти ее.

– Мааам! – послышалось из прихожей. Таня, когда родила, получила в дополнение к своей еще одну комнату – соседнюю. Они находились в отдельном блоке. Благодаря этому у Тани появились свой туалет и прихожая. А кухню она организовала в нише комнаты. Тесновато в ней, конечно, а все же не на общей готовить, уже хорошо.

– Я в кухне! – крикнула Таня.

Через несколько секунд сын Валентин появился в поле ее зрения. Он учился в первом классе, но был уже вполне самостоятельным. Других детей в секции родители возили, а он сам до спортшколы добирался. Сейчас он вернулся с тренировки и очень хотел есть.

– Мам, дай пожрать чего-нибудь! – выпалил он, плюхнувшись на табурет.

– Руки помыл?

– Да, – нагло соврал Валя.

– Марш в ванную!

– Ну я помыл, правда. Дай пожрать, а?

– Что это за слово такое? Скажи: «Дай покушать». И не забудь добавить, «пожалуйста».

– Но если я не кушать, а жрать хочу?

Таня рассмеялась. Сообразительный у нее мальчик, всегда знает, что ответить. Она поставила перед сыном баночку с йогуртом:

– Перекуси. Ужин будет через полчаса.

Валя схватил йогурт, ложку, пару печений и унесся к телевизору.

Таня вернулась к готовке. Пока обжаривала овощи, думала о Косте.

Какой он все же у нее (у нее?) хороший. Хотя и сложный. Обидчивый, порой капризный. Человек настроения. Когда оно плохое, лучше держаться от него подальше, но если хорошее, тогда он купает Таню в своей нежности. А сколько слов приятных говорит! Вот только в любви ни разу не признавался...

– Таня, чем это пахнет? – раздалось из прихожей. Это Костя явился. Раньше, чем она его ждала.

– Овощами, наверное, – ответила она. – Я рыбу с ними готовлю.

– Нет, что-то горит...

Таня принялась. Никакого резкого запаха не уловила. Но на плитку упал кусочек моркови и пригорел немного. Если Костя учуял это, значит, у него сегодня плохое настроение. К мелочам он придирается, когда был не в духе...

Костя вошел в комнату. Нос наморщен, а брови сдвинуты. И все равно он очень привлекателен. Кто-то, возможно, находил его просто симпатичным, но Тане он казался эталоном красоты. Кроме густых волос темно-каштанового цвета, у него были совершенно необыкновенные глаза. Светло-серые, почти прозрачные, они казались бы бледными и невыразительными, если бы не длинные черные ресницы. В обрамлении их глаза играли, словно драгоценные камни. Нос тоже красивый. А вот губы самые обычные, но шрам, перерезающий верхнюю, придавал ему мужественности. Если бы Таня умела рисовать, она обязательно написала бы Костин портрет. На нем он был бы в рыцарских доспехах и с соколом на плече.

– Так я и знал, – проворчал Костя, заглянув Тане через плечо. – Опять еду сожгла.

– Ничего подобного! Это просто морковка упала на плитку.

– Вечно у тебя что-то падает.

Таня могла бы возмутиться, огрызнуться или обидеться, но она решила не обращать внимания на придирки, чтобы избежать ссоры.

– Почему ужин еще не готов? – не унимался Костя.

– Я только перед тобой пришла. Подожди немного, через пятнадцать минут сядем за стол. А пока можешь йогуртом перекусить.

Он скривился, но отстал. Когда Костя удалился, Таня начала укладывать на сковородку мунтай. В его присутствии ей это делать не хотелось. Вдруг опять что-нибудь на плитку капнет?

Рыба была готова через обещанные пятнадцать минут. Таня разложила ее по тарелкам, добавила гарнира. Для сына поставила кетчуп, он все с ним ел, даже суп, а Костя любил соевый соус, и Таня налила его в блюдце. Порезала хлеб. Валя ел белый, Костя ржаной. Сама Таня не ела его вовсе. Боялась поправиться. До родов она была очень худенькой, весила не больше пятидесяти килограммов. Тане хотелось немного нарастить жирка, стать упитаннее, но

не получалось. Когда это все же произошло, оказалось, что округлости ей не идут. Наверное, потому, что они появились совсем не в тех местах, где Тане бы хотелось. То есть не на груди и попе, а на спине и талии. Пришлось худеть. И это оказалось мучительно, ведь Тане никогда не приходилось ограничивать себя в питании. Теперь она стала практически такой же, как до родов. Но стоило расслабиться, как жирок наплывал, и в него врезались бретельки бюстгальтера и резинки трусиков. Поэтому Таня себя ограничивала в еде.

– Мальчики, кушать! – позвала она Костю и Валю.

Сын примчался сразу. А Константина пришлось немного поугуваривать.

– Как рыба? – спросила Таня у едоков.

– Пальчики оближешь! – похвалил мамину стряпню Валя.

– Пресновата, – буркнул Костя.

– Перед тобой стоят соль и соевый соус, – как можно спокойнее проговорила Таня, чувствуя, что начинает закипать. Устала получать одну плюху за другой. Неужели Костя, если он не в духе, не может просто сидеть и молчать? Почему ему обязательно нужно цеплять ее?

Вообще, Таня была очень терпеливым человеком. Взрывалась в крайних случаях. Как говорила ее подруга, увлекающаяся астрологией, копила яд, как всякий скорпион, а потом выплескивала его. И если это происходило, то все... В лучшем случае человек «заболевал», в худшем «умирал». То есть Таня ругалась с ним так, что сильно обижала, либо вычеркивала из своей жизни. Как мужа своего, к примеру. Или... или как брата...

Со старшим, Илюшей, Таня регулярно созванивалась все эти годы. Не виделась ни разу, но имела с ним частые разговоры. Тогда как с Ромкой всего несколько раз общалась. А с близнецами не сподобилась вообще, хотя они писали ей письма. Первое время довольно часто, потом все реже, а в последние годы совсем перестали. И только Илюха держал Таню в курсе своей жизни, интересовался ее и поздравлял со всеми праздниками. А на свадьбу посылку ей прислал с подарками. Жаль, сам приехать не смог. Как, впрочем, и на другие торжества. Хотя Таня звала его, и он обещал быть, но...

Сестра так и не дождалась брата, как и его приглашения к себе. Илюха только вслух мечтал о том, что Таня приедет с ребенком к нему погостить и они будут купаться в море и есть фрукты из его сада. Но когда она заговаривала об отпуске и намекала на то, что думает, где его провести, Илья тут же переводил разговор на другое. И вот этим летом Таня собралась с духом и спросила прямо, как он посмотрит на то, если она через месяц приедет к нему с сыном на пару недель. Илюша «поплыл»: давай в другой раз, сейчас никак, меня, наверное, и в городе не будет...

И Таня «плюнула в него ядом». Все высказала, что накопилось. Болтуном назвала, напонила о том, как его злили мамыны пустые обещания, и сказала, что он ей угодился. Закончила она разговор фразой: «Не звони мне больше!» – и бросила трубку. Потом раскаивалась, конечно. Не стоило так резко. Родной все же человек. Таня даже готова была извиниться перед братом, да номера его не знала. Он всегда сам звонил, причем исключительно на городской телефон...

– Добавки? – спросила она, увидев, что тарелки ее мужчин опустели.

Оба закивали. Таня положила им еще по куску рыбы. Себе тоже хотела, но решила, что хватит. А то завтра ничего не останется. Она брала еду с собой на работу и грела в микроволновке. Хорошо, что мужчины обедали в школе и на работе, а то ей сейчас пришлось бы готовить еще что-то, а она невероятно устала.

– Чайку поставь, пожалуйста, – уже попросил, а не потребовал Костя. Подобрел после еды.

Таня встала, чтобы налить в чайник воды, но тут в дверь позвонили.

– Это ко мне! – вскричал Валя и понесся в прихожую, на ходу утирая вымазанную в кетчупе мордашку.

– Как твой день? – спросила Таня у Константина. Теперь можно.

– Да... – он в сердцах махнул рукой. – Ничего хорошего. Не спрашивай лучше.

Конечно, она спросит, но попозже. У Кости была слабость к халве. Не к фабричной, а к той, что на рынках продают выходцы с Востока. Таня сегодня купила у них полкило ореховой. Когда Костя попьет с ней чаю, он окончательно расслабится.

– Мама, мааам, это к тебе! – слышался зов сына. – Выйди!

Таня направилась в прихожую и увидела на пороге высокого мужчину с большой сумкой. Решив, что он продает какую-нибудь ерунду, она сделала суровое лицо, но торговаша это не смутило. С широченной улыбкой, в которой сверкнул золотой зуб, он сделал шаг навстречу Татьяне и сказал тожественно:

– А вот и я!

– И что вам надо? – подозрительно спросила она. – Учтите, покупать я ничего не буду. А Библия у меня уже есть.

– Во дает! – хохотнул мужчина, подмигнув Валентину. Мальчик ответил ему тем же. – Не узнает меня, племяш, понимаешь?

– Простите, вы... кто?

– Да брат я твой. Илюха!

И сграбастал Таню в охапку.

Глава 3

Нет, ей все еще не верилось, что это Илья. Он так изменился с тех пор, как они виделись в последний раз! Был подростком, стал мужчиной. Был худым, нескладным, теперь настоящий богатырь. Был лохматым, рыжеватым, теперь пострижен так коротко, что и не понятно, какого цвета волосы. И все же Илюша оставался тем же. Когда Таня по привычке к нему, стала замечать то, что сначала ускользало от ее взгляда. У него та же мимика, та же походка, тот же прищур глаз. Но и много нового появилось. Например, привычка сплевывать сквозь зубы. Тане она не нравилась, но она старалась не акцентировать на ней внимание, потому что была бесконечно рада видеть брата.

– Почему ты не позвонил, не сообщил, что приедешь? – спросила она, налив ему вторую кружку чая. Костя тоже чаевничал вместе с ними.

– Так ты мне не велела. Разобиделась на меня...

– Было за что, – строго сказала Таня.

– Да ясен перец. Мозги тебе канифолил столько времени. Но я не специально, честно. Правда, очень хотел увидеться с тобой, да командировки проклятые. Только соберусь к тебе или вас к себе позвать, как вызывают...

И разговаривал он не совсем так, как раньше. Когда-то речь его была очень правильной. Илья много читал, поэтому имел огромный словарный запас. Иногда такую фразу заворачивал, что учительница русского только за это ему пятерку ставила. Сейчас же его речь стала проще, в ней появилось больше сленга и слов-паразитов.

– И куда ты едешь?

– В разные места, – туманно ответил Илья. Затем переключил свое внимание на племянника, который все это время крутился возле него: – Ну что, Валек, давай лапы подставляй, одаривать буду! – Пацан тут же сделал ладошки ковшиком. – Не, ты их разведи! Чтоб все поместилось!

Валентин сделал, как велели. Илья раскрыл свою огромную сумку и стал доставать из нее игрушки: пистолеты, машинки, супергероев. У Вали от восторга дыхание перехватило, и он только кряхтел, хотя должен был бы вопить. Он всегда был очень шумным в радости.

– Илья, куда столько?! – ахнула Таня. Она знала цену игрушкам, и, по ее подсчетам, брат истратил несколько тысяч.

– Это за все дни рождения, с которыми я племяша лично не поздравил. Иди, малой, играй. – Илья потрепал обалдевшего Валу по волосам, а когда тот унесся распаковывать подарки, обратился к Тане: – А теперь подарок сестренке. Ручку давай...

Таня нерешительно протянула руку. Ее запястье тут же обвил золотой браслет. Толстый, витой, с алмазной обработкой. Костя кривился, когда видел подобные украшения, говорил, что это «бабушкин шик», а Тане они очень нравились. Она вообще золото любила. В детстве мечтала иметь, как многие ее одноклассницы, сережки из этого драгметалла, но... Мама ей их не покупала. А те, что сама носила, в один далеко не прекрасный для всей семьи день сдала в ломбард. И Таня мечтала, когда вырастет, купить себе золотые сережки. И много-много чего еще... золотого! В двадцать лет она ходила увешанная украшениями, словно новогодняя елка. Покупала их в скупках и с рук. Такие, как ее мать-покойница, толкали золото за копейки. На главной свадебной фотографии она стоит, держа в одной руке букет невесты, другой цепляясь за локоть мужа. На всех пальцах, исключая большие, по кольцу. Костя, когда увидел снимок, долго смеялся. Именно он заставил Таню поснимать все свои «цацки», оставив лишь сережки и одно колечко. Но браслет, подаренный братом, она точно будет носить!

– Какая красота! Спасибо...

– Носи на здоровье! – Илья встал и расцеловал сестру. – А вот мужику твоему подарить нечего, извини. Но есть вот что! – Илья выудил из своей необъятной сумки бутылку виски. – Ты как, Костян?

– Я не пью, спасибо, – покачал головой тот.

Лицо Илюши стало кислым.

– Сеструха, ты тоже трезвенница?

– Нет, по праздникам выпиваю. Как, впрочем, и Костя.

– Сегодняшний день приравнивается к празднику!

Таня не спорила. Конечно, встреча с братом после долгой разлуки – радостное событие.

Можно сказать, праздник.

– Только закуски у нас немного, – вздохнула Таня. – Рыба да рис. Могу открыть соленья. Знала бы, что ты приедешь, наготовила бы!

– Грей рис, открывай соленья, а я в магазин сбегаю.

И, не слушая ее возражений, удалился.

– Надолго он? – спросил Костя, едва за братом закрылась дверь.

– Не спрашивала еще... А что?

– Просто, если он надолго, я к матери уйду.

– Зачем? – испуганно выпалила Таня. – Всем места хватит! У нас кресло раскладывается,

Валю на него положим...

– Дело не в этом...

– А в чем тогда?

– Не хочу я под одной крышей с уголовником жить. Даже если он твой брат.

– С чего ты взял, что он уголовник?

– Да это же видно невооруженным глазом. Сидел твой брат. Поэтому и не приезжал все эти годы и тебя к себе не приглашал.

– Нет, не может быть!

– Поверь мне, Таня. Он только недавно «откинулся».

У нее не было оснований ему не верить. Работая с людьми, Костя научился в них разбираться. А наговаривать на человека не стал бы. К тому же его вывод был логичен. Хотя, на ее взгляд, Илюша на уголовника не походил. Или она просто не объективна?

Она крутила в голове эти мысли, пока накрывала на стол. А когда услышала голос брата из прихожей, чуть не выкрикнула: «Ты сидел?» Но сдержалась. Спросит потом.

Илья притащил дикое количество еды. Всевозможные нарезки, баночки с икрой и паштетами, сладости, фрукты. Рыба с рисом потерялась на столе. А вот огурцы и помидоры нет. Илья закусывал именно ими и беспрестанно нахваливал.

– До чего вкусные у тебя соленья! – говорил он, хрустя огурчиком. – Сто лет таких не ел!

– Так женись. Супруга будет тебе вкусняшки готовить. Тем более у вас места урожайные.

А у тебя свой дом. Это я все на рынке покупаю, а если со своей грядки...

Он только улыбался. А Таня ждала от него откровений. Она и выпивала с ним лишь за тем, чтобы Илья расслабился и раскрылся. Но брат, точно Штирлиц, больше слушал. В итоге Таня не выдержала и выпалила:

– Расскажи о себе правду!

– Да я вроде...

– Илья! Ты меня кормил байками много лет. Давай уже начистоту!

К тому времени они остались одни. Костя ушел спать. И Валя, периодически выскакивающий из комнаты, угомонился.

– У меня все хорошо, правда, – сказал Илья. – Но так было не всегда.

– Ты сидел?

– Это заметно?

– Не так чтобы очень...

– Я не хотел, чтобы ты знала. Сестренка, мне так стыдно... – И он склонил голову на сложенные на столе руки. Если бы они много выпили, Таня решила бы, что это спиртное так действует, но в бутылке еще оставалось виски. То есть приняли они граммов по сто двадцать. Ерунда даже для нее, хрупкой девушки, а Илья – мужчина крупный. – Я отгарабанил семь лет. Вышел два месяца назад.

– За что тебя... упекли?

– За... – И он замолчал.

– За?..

– Тань, ты только верь мне, ладно? – И лицо его стало такое... жалкое.

– Ладно...

– Я никому зла не причинил. Клянусь тебе.

– Я верю, верю...

– Меня обвинили в убийстве. За это и посадили.

– Но ты... ты не убивал?

– Да говорю же – нет! Повесили на меня чужое преступление.

– Кошмар...

– Да. Это был кошмар.

– Но ты же мне звонил... Как?

– Сейчас у каждого заключенного есть телефон.

– Ты должен был мне сказать...

– Зачем? Чтобы ты беспокоилась за меня и еще передочки посылала? Ты ведь это сделала бы, я тебя знаю.

– И как же ты? Совсем без поддержки?

– Почему совсем? Нет. Был у меня добрый друг. Точнее, подруга. Марина. Тетя Марина, как я ее звал, – она гораздо меня старше. Она очень меня поддерживала. Без нее не знаю, что было бы. Вздернулся бы, наверное.

– Подруга, то есть твоя девушка? Вернее, женщина... коль старше.

– Нет, – помрачнел он. – Девушка меня бросила сразу, как узнала, что меня в убийстве обвиняют. Сколько ни доказывал ей, что не виновен, она не поверила.

– А подруга, значит, поверила?

– Ни на секунду во мне не усомнилась. И все семь лет письма писала, передочки присылала, даже свиданку выбить умудрилась. Приезжала ко мне... с пирожками и ватрушками.

– Ты полюбил пирожки и ватрушки? – Таня припомнила, что в детстве и юности брат не очень жаловал выпечку. Зато обожал помидоры. И ел их своеобразно. Сначала сок высасывал, потом ел мякоть. Да не с солью, а с сахаром.

– Полюбил, – кивнул Илья. – Но дело не в этом. Просто познакомились мы с Мариной благодаря пирожкам. Она в кафешке работала, где продавались вкуснейшие беляши, ватрушки, сосиски в тесте. Для меня они – как привет из прошлого. Того, благополучного... дотюремного.

– Понимаю...

– Марина еще и халупу мою (не дом у меня, врал я, а флигель всего-навсего) сдавала курортникам и ни копейки себе не брала. Все на меня тратила. Да еще умудрялась откладывать. Чтоб, когда я вернусь, было на что первое время жить. Золотой человек...

– Ты сказал «был у меня добрый друг»... Почему был?

– Умер этот золотой человек... – И, взяв бутылку, выпалил: – Помянем!

– От чего она умерла? – спросила Таня после того, как они выпили за упокой души Илюшиной подруги.

– Убили ее.

- Да ты что? Нашли, кто?
 - Нет. Но явно маньяк. Тело изуродовано было. – Он тряхнул головой. – Не хочу вспоминать... Давай о другом.
 - Давай, – покладисто согласилась Таня. – Ты надолго приехал?
 - Что, надоел уже? – усмехнулся брат.
 - Нет, что ты! Я просто спросила...
 - Да ладно, ладно, верю. – Он обнял Таню за плечи. – Насовсем я, сеструха. Решил вернуться в родной город. Хватит с меня югов. Флигель свой продал. Надеюсь, на вырученные деньги купить тут однушку.
 - Здорово! Ты будешь рядом! – Таня порывисто обняла его за шею.
 - Вот только жаль, что ты так и не съездила на море. Я столько тебе про него рассказывал...
 - Ничего. В следующем году вместе поедем. Да не на Черное, а на Красное. Я Валю обещала свозить туда. Уж очень он хочет понырять и на рыбок посмотреть. – Говоря это, Таня боролась с зевотой.
 - Спасть хочешь? – заметил брат.
 - Немного. Это все алкоголь. Меня с него всегда в сон клонит.
 - И время уже позднее, – заметил Илюша, глянув на часы. – Пойдем укладываться.
 - Ты ложись, я тебе постелила уже. А мне надо посуду вымыть.
 - Не, так не пойдет. Давай вместе!
- И, не слушая ее возражений, начал споро собирать со стола тарелки. Не прошло и десяти минут, как все они, чистые, стояли в сушилке.
- А теперь спокойяшки, сестренка, – сказал Илья и, чмокнув ее в щеку, направился в спальню к Вале.
- Таня тоже не стала медлить. Умывшись и почистив зубы, она забралась в кровать, обняла Костю и быстро уснула. А вот Илья еще долго лежал с открытыми глазами. Даже усталость его не сморила. А все из-за мыслей, лезущих в голову...
- Мыслей о НЕЙ!

Глава 4

Он влюбился в нее с первого взгляда? Нет, пожалуй, не так.

Он влюбился в нее задолго до того, как увидел. А когда они встретились, он понял, что это навсегда.

Она звонила своему бойфренду, с которым была в ссоре, но ошиблась на одну цифру (стерла его номер из записной книжки и набирала по памяти), и ответил ей не он, а незнакомый парень. Это был Илья. Но она не сразу это поняла. Только после того, как, вывалив на собеседника все претензии, что имелись у нее к кавалеру, услышала: «И зачем вы, девушка, с таким придурком встречаетесь?» После этого они еще поговорили, хотя барышня собиралась сразу бросить трубку. Но Илья смог убедить ее не делать этого. Ему очень понравился голос девушки. И ее имя – Маша. Она еще произносила его так... мягко. Машшша... Илья представлял ее уютной, пухленькой, русоволосой, румяной. Ему всегда нравились такие девушки.

Илья позвонил ей на следующий день. Спросил, как дела. Маша была уже в другом настроении, поэтому ответила, что все у нее прекрасно, и стала рассказывать о своей собаке. Та потерялась, но сегодня нашлась. Маша так радовалась этому, что Илья не мог не радоваться вместе с ней. «А можно я тебе еще позвоню?» – спросил он в конце разговора. «Я буду очень рада!» – ответила она.

И Илья стал звонить ей каждый день. Они болтали по часу-полтора. Вскоре он уже не представлял своей жизни без Маши. И ему очень хотелось увидеться с ней, но...

Но он боялся!

Что, если девушка, в которую он заочно влюбился, окажется не такой, какой он ее себе представлял? Да процентов на девяносто именно так и будет. Потому что чудес не бывает! И все же Илья решил пригласить Машу на свидание. И услышал в ответ: «Я думала, ты никогда не предложишь встретиться!»

Он знал, что ей столько же лет, сколько ему. И что рост у нее высокий, сто семьдесят пять сантиметров. Вот и все. Остальное он себе придумал.

На свидание шел, трясясь, как первоклассник перед прививкой. Боялся, что Маша его разочарует. Да и в себе был недостаточно уверен.

Когда Маша появилась, он сразу понял, что это она. Он назначил встречу возле памятника, пришел раньше, и в поле его зрения попадало много девушек. Некоторые были просто красотками. Но он не хотел, чтоб одна из них оказалась Машей. Они не соответствовали его ожиданиям. И тут он увидел ЕЕ...

Нет, она была совсем не такой, как ему рисовалось. Не уютной, пышной, русоволосой и румяной, а худощавой, темненькой, белокожей. И все равно он сразу ее узнал!

Как и она его.

– Илья? – сказала она, подойдя. В интонации лишь намек на вопрос.

– Маша?

– Я тебя совсем другим представляла...

– И я тебя.

– Разочарован?

– Нет. А ты?

– Напротив. Я думала, ты страшненький. Потому что симпатичные ребята обычно такие... противные.

Кто бы знал, как Илье было приятно слышать это.

Он симпатичный!

Некоторые женщины говорили ему те же слова, но они его не трогали. Илья по поводу своей внешности иллюзий не питал. Знал, что она на любителя. А если объективно, то ничего в

ней хорошего нет. Заурядное лицо при неплохой фигуре и ужасных волосах. О, как Илья ненавидел свои волосы! Непослушные, жесткие, цветом напоминающие подгнившее сено. Летом, выгорая, они выглядели неплохо. Но зимой...

А с Машей они встретились в конце февраля.

– Куда ты хочешь пойти? – спросил у нее Илья. Он взял с собой все деньги, что были, и собирался повести девушку в ресторан.

– Давай просто погуляем?

Погода была не самой подходящей для прогулок. Температура – плюс семь, тепло, но пасмурно, влажно, вот-вот дождь пойдет. Но Илья не стал возражать – пошел с Машей гулять. Они бродили по городу час, прежде чем она попросила напоить ее горячим чаем. Они зашли в первое попавшееся заведение, весьма затрапезное. Илья хотел сразу уйти, но Маша не посмотрела на обстановку, подошла к стойке и попросила чаю. Ей подали стакан с отбитым краем, в котором плавал пакетик с заваркой.

– Обожаю чай, – сказала она, сделав осторожный глоток. – Даже такой...

– Давай хотя бы пирожное тебе закажу? – предложил Илья.

– Спасибо, не надо. Я сладкое не люблю. Разве что клубничное варенье.

Илья тоже его обожал. Мать-покойница варила его изумительно. Ягодки не разваривались, но и не были жесткими. Упругие, нежные, они очень походили на свежие, только становились слаще.

Илья взял чаю и себе. Но с сахаром. Чай был ужасен, отдавал веником, но это не имело никакого значения. Рядом сидела Маша, довольно жмурилась, попивая чаек, и остальное было не важно.

– Молодые люди, покушать не желаете? – окликнула их буфетчица, женщина лет сорока.

Илья окинул критическим взглядом витрину, в которой стояли заветренные салаты, и покачал головой.

– Да ты рожу-то не криви, – сердито проговорила буфетчица. – Пирожки свежие есть. С пылу с жару. Хотите?

– Хотим? – спросил Илья у Маши. Она кивнула.

Пирог оказались удивительно вкусными. И на самом деле теплыми. Илья с Машей перепробовали и с капустой, и с рыбой, и с повидлом. Понравились им все, о чем Маша сообщила буфетчице. Та расплылась в довольной улыбке.

– Завтра приходите, будут ватрушки, – сказала она на прощание. – Их быстро разбирают, но я вам оставлю...

Когда Илья и Маша стали постоянными клиентами кафе, буфетчица тетя Марина им даже чай иной заваривала. Не такой, как всем, с запахом веника, а нормальный, с бергамотом – Маша его очень любила. И пирожки им всегда откладывала. И даже открывала туалет, хотя остальные посетители ходили в биокабинку на улице.

В тот первый день они, покинув кафе, еще долго гуляли. И устали так, что, когда оба добрались до своих кроватей, мгновенно уснули.

Илье снилась Маша.

Маше снился Илья.

Пробудившись, он первым делом взял в руки телефон и набрал заветный номер. Ему ответили после первого же гудка. «Я как раз собиралась тебе звонить!» – сказала Маша, смеясь.

Вечером они снова встретились и пошли гулять. Погода стояла мерзейшая, поэтому, поев ватрушек у тети Марины, он проводил ее домой. И они до ночи стояли в Машинном подъезде. Она звала его к себе, но в квартире была мама, а Илье хотелось побыть с любимой наедине. Тогда они впервые поцеловались, и это оказалось... не так, как с остальными. Не просто приятно и возбуждающе, а волшебно!

«Хочу, чтобы она стала моей женой», – подумал Илья, с трудом оторвавшись от Машиных губ. И чуть было не выпалил: «Выходи за меня!» Но смог сдержаться. Побоялся, что Маша его неправильно поймет. Подумает, что он либо брехун, либо парень с приветом. А вот на что он решился, так это спросить о бывшем бойфренде. Маша в первом же телефонном разговоре сообщила Илье, что ставит в отношениях с тем парнем жирную точку, и больше его не вспоминала. Это было несколько необычно. Девушки постоянно твердили о своих бывших, особенно «свежих», то есть тех, с кем порвали недавно. Но Маша о чем угодно Илье рассказывала, только не о нем. Это стало тяготить Илью. Что, если бывший Маше так дорог, что ей больно о нем вспоминать? Он все порывался задать ей этот вопрос, но опасался услышать ответ, который ему не понравится. И вот наконец Илья решился!

– Ты окончательно забыла своего бывшего или?.. – Он запнулся. – Или этот тип все еще что-то значит для тебя?

– Я боялась этого вопроса, – сразу погрузилась Маша.

– Почему?

– Потому что врать не хочется, а честный ответ тебе не понравится.

– То есть... ты все еще его любишь?

– Не так, как ты думаешь. Скорее, как брата. Мы так долго были вместе, что... он стал частью меня. Мы с первого класса неразлейвода. В восьмом начали встречаться. После выпускного лишили друг друга невинности. Он мой первый и... пока единственный мужчина. Я не могу совсем выбросить его из головы. Да и не хочу, наверное. Просто я решила в наших любовных отношениях поставить точку. А в дружеских – многоточие. Сделаем паузу, а потом, глядишь, будем общаться, как старые добрые товарищи.

– Он хочет того же?

– Нет, мечтает все вернуть назад. Просит прощения, клянется измениться. Но я ему уже не верю. И не собираюсь давать слабину. Я все решила. И ты, Илья, очень в этом мне помог.

– Каким образом?

– Тем, что появился в моей жизни, – и поцеловала его нежно в щеку.

Финальная фраза вкупе с поцелуем успокоила Илью. Но ненадолго.

Через три дня во время прогулки у Маши зазвонил телефон. Она вынула его, посмотрела на экран, нахмурилась и сунула сотовый обратно.

– Бывший? – догадался Илья. Маша кивнула. – Так ответь.

– Не хочу с ним разговаривать, я все уже ему объяснила.

Телефон перестал трезвонить, но через несколько секунд снова ожил. Маша выключила его и сердито пробормотала:

– Когда он узнал, что я с тобой встречаюсь, с тех пор проходу не дает.

– Давай я с ним поговорю?

– Нет, не надо! – испугалась Маша.

– Да ты не волнуйся, я его бить не буду, просто побеседую по-мужски.

– Не сможешь: он на тебя с кулаками кинется сразу, как поймет, кто ты. Артем бешеный!

– Я его не боюсь, – презрительно сказал Илья. Он был силен, закален в драках и чувствовал себя более чем уверенно.

– Я знаю, ты очень смелый, Илюшша... – О, это ее мягкое «шш!» Он таял, слыша его. – Но я не хочу, чтобы вы дрались.

– Я буду держать себя в руках.

– Даже если он тебя ударит?

– Нет, ну такого я не потерплю...

– Вот видишь! Так что драка неизбежна.

– И подеремся, подумаешь! – не унимался Илья. – Глядишь, после тумачков твой Артем понятливее станет.

– Нет, я драки между вами не допущу, – твердо сказала она и закрыла тему.

Дело уже шло к свадьбе, когда Илья встретился-таки со своим предшественником. Пришел к Маше в гости и, едва зайдя в подъезд, услышал шум. Кто-то ругался и, судя по всему, пытался то ли вытолкнуть кого-то из квартиры, то ли, наоборот, затаскать в нее. Дверь бухала и скрипела, порой заглушая голоса. Но Илья узнал: один из трех – Машин!

Он взбежал по ступенькам наверх. На лестничной клетке увидел Машу и ее маму, пытающихся вдвоем закрыть дверь перед носом какого-то парня.

– Я не позволю тебе, ясно? – орал тот на Машу. – Ты или моя, или ничья!

– Оставь меня в покое наконец!

– Ни за что!

Тут Илья подскочил к Артему (он сразу догадался, что это он, кто ж еще?) и схватил его за шиворот.

– Ты разве не понял, что тебе сказали? – спокойно проговорил он, встряхнув Артема. Тот был легче Ильи килограммов на пятнадцать.

– Отпусти! – прорычал Артема, дернувшись.

– Только после того, как ты пообещаешь оставить Машу в покое...

– Пошел ты!.. – и он добавил матерное слово.

Илья толкнул Артема к лестнице, намереваясь выйти с ним из подъезда и потолковать наедине. Но тот, едва оказался на ногах, ринулся на Илью с кулаками.

– Не бей его, пожалуйста! – всхлипнула Маша, непонятно, к кому обратившись: к настоящему своему жениху или бывшему.

Артем и вправду был бешеным. Понимал, что слабее, и все равно рвался в бой. Да так неумело, что бить его Илья не стал (опять же, Маша попросила), сграбастал и выволок из подъезда.

– Еще раз побеспокоишь Машу, буду разговаривать по-плохому! – рявкнул он с максимальной угрозой в голосе и закрыл дверь. Магнитный замок домофона тут же сработал, и Артем, даже если бы захотел, не смог бы прорваться в подъезд обратно. Разве что позвонив в какую-нибудь квартиру и попросив, чтоб его впустили. Но Артем делать этого не стал.

Илья поднялся к квартире. Маша с мамой были все еще на взводе, поэтому, увидев его, нервно загалдели.

– Спокойно, барышни, – утихомирил их Илья. – Пойдемте в дом, выпьем валерьяночки.

Через десять минут Илья с невестой уединились в комнате, и она рассказала ему, что Артем не оставлял ее в покое все это время. Но вел себя более-менее нормально, пока не узнал о предстоящей свадьбе.

– И у него сразу крышу снесло! – жаловалась Маша. – Начал угрожать. Орать, что убьет...

– Тебя?

– Тебя!

– Пффф... – Илья закатил глаза. – Силенок не хватит.

– А он знаешь как ножи метает? Виртуозно! С первого класса этим балуется. Он вообще ножи обожает. Целую коллекцию собрал.

– Маш, да хватит тебе, ничего он мне не сделает.

– Ой, не знаю... Боюсь я. Дурной он!

– За что ж ты полюбила его, дурного такого? – задал резонный (и мучивший его до сих пор) вопрос Илья.

– За красоту. Маленькая была,глупая.

– Артем красивый? – несказанно удивился Илья.

– Фантастически.

– Не заметил.

– У него глаза изумрудные, кожа алебастровая, а волосы как смоль.

– Да волос-то вроде у него немного, – пробурчал Илья, припомнив, что на затылке Антона видел проплешину.

– Это сейчас, а когда-то кудри вились до плеч. Как у маленького принца. В него все девочки нашего класса влюблены были, а он меня выбрал.

– Он уже тогда был бешеным?

– Вспыльчивым. Но с возрастом характер у него испортился окончательно.

– Давай не будем больше о нем? – взмолился Илья. – Побеспокоит тебя, скажи... А пока не надо вспоминать об Артеме.

Дня через три Илья зашел к тете Марине, чтобы отдать приглашение на свадьбу, и рассказал ей о сцене в подъезде.

– Зря ты ему рыло не начистил, – проговорила она, выслушав его. – Надо было идиоту всыпать, чтоб запомнил с первого раза.

– Думаю, он и так все понял.

– А я так не считаю.

– Ну, он гораздо слабее меня, вот я решил сначала его предупредить.

– Рыцарь ты наш благородный... – издевательски протянула тетя Марина. – Тебе нужно было его силой задавить. И физической, и моральной. Чтоб боялся.

– Я вроде продемонстрировал силу.

Тетя Марина отмахнулась: типа, да чего ты там?... Вышвырнул его за шкуру? Только унизил. А надо было напугать!

Но трепка вроде бы возымела действие. Артем перестал докучать Маше. Илья спрашивал и у нее, и у будущей тещи, обе говорила одно и то же: не звонил, не приходил. И Илья расслабился. Как оказалось, зря.

...До свадьбы оставалось четыре дня. Илья забежал к невесте после работы. В подъезд он с соседом Маши вошел, входная дверь в квартиру оказалась незапертой. В прихожей много женской обуви, значит, подружки к Маше пришли. В суматохе не заперлись.

Илья прошел в комнату, из которой раздавались возбужденные девичьи голоса. Заглянул...

Маша стояла в белом платье и пышной фате у зеркала. Подружки, обступив ее, восторгались.

– Какая ты красивая! – восхитился невестой Илья.

Услышав комплимент, Маша почему-то завизжала и кинулась в смежную комнату.

– Чего это с ней? – удивился жених.

– Ты что, не знаешь: видеть невесту в платье до свадьбы – плохая примета? – накинулась на него лучшая подружка Маши, она же будущая свидетельница в загсе.

– Да глупости все это...

– А вот и нет! Мою старшую сестру жених вот так же увидел... И все!

– Развелись?

– Хуже. Свадьба не состоялась по причине его смерти.

– Умер от ее красоты? – Илья откровенно насмеялся над глупыми бабскими суевериями.

– Погиб. Несчастный случай на производстве. Последний день работал перед отпуском. На завтра свадьба была назначена.

Естественно, Илья не придавал значения словам подружки невесты. Да и Маша, поуспокоившись, решила, что не стоит переживать из-за всякой ерунды. И мама ее в этом поддерживала. Но в тот же день, только поздним вечером, на Илью напали. Благо реакция у него отменная, а то покалечили бы. А так всего лишь куртку ножом порезали. Но Илья сразу понял, что это дело рук Артема.

Он долго узнавал, где тот живет. Спрашивал у Маши, но та не сказала. Как чувствовала (хотя Илья старался быть скрытным), что жених собирается разобраться с Артемом. И все же

заветный адрес был получен – его выболтала одна из подружек Маши. И Илья отправился к Артему.

Жил тот в районе частных домов. Так же, как и Илья, только на другом конце города. Он не надеялся застать его дома. Но решил ждать под дверью. Рано или поздно Артем придет домой.

Но в нужном окне горел свет. И Илья постучал в дверь. Ему не открыли. Тогда он со злости с силой шарахнул по ней кулаком. Дверь отворилась. Она оказалась незапертой. Илья влетел в дом. Он был взбешен. За то время, что прошло с момента нападения, он не только не успокоился, а распалился еще больше. «Получишь ты у меня, сука!» – рычал он мысленно, вбегая в комнату, где горел свет.

Артема он заметил не сразу. Сначала подумал, нет его. Потом увидел тело на полу за диваном. Оно подергивалось мелко-мелко. У Ильи мелькнула мысль, что у Артема передоз. Но когда он пригляделся, то понял: наркотики тут ни при чем. В шее бывшего Машиного жениха торчал нож. Кровь пузырилась вокруг лезвия, и это было так страшно и отвратительно, что Илья не сразу заставил себя опуститься рядом с Артемом, чтобы попробовать ему помочь.

И все же он себя пересилил. Попытался вынуть нож из раны, хотя был не уверен, что это правильное решение. За этим его и застали двое парней, появившихся в доме. Не разобравшись, что к чему, они скрутили Илью и вызвали милицию. Артем к тому моменту уже скончался.

– Идиоты, я пытался ему помочь! – кричал Илья, лежа на полу с заломленными руками.

– Ментам эту сказку расскажешь... – процедил один из парней и больно пнул Илью под ребра.

Уже сидя в камере, Илья подумал, что убийцей вполне мог быть кто-то из этих двоих. Повздорил с Артемом, схватил нож – коллекция их висела на стене, пырнул, потом понял, что натворил, испугался и за товарищем побежал. И когда вернулся вместе с ним... Такой подарок судьбы! Готовенький подозреваемый. Да еще с мотивом и с порезанной курткой и ранкой на боку. Как будто подрались парни: Артем Илью полоснул, а тот потом нож отобрал у него и в шею воткнул.

Илью до суда продержали в «обезьяннике». Но свидания разрешали. Первой к нему пустили, конечно же, невесту. Она, вся зареванная, села напротив, сцепила руки с обкусанными ногтями в замок, подперла ими подбородок и срывающимся голосом проговорила:

– Как ты мог?

– Маша, я ничего не делал!

– Ты убил Артема!

– Нет, это не я!

– Не ври!

– Но я говорю правду. И ты, моя любимая девушка, должна мне верить. Я надеюсь, скоро этот кошмар закончится, меня выпустят, и мы...

Она полыхнула на него глазами:

– Я пришла сказать, что расстаюсь с тобой! Не думай, что буду тебя ждать.

– Не верю своим ушам!

– А я не верю тебе! Поэтому... прощай!

И порывисто встала. Илья вскочил следом. Руки его были скованы наручниками, но не сзади, а спереди, и он схватил Машу за руку:

– Постой!

– Отпусти меня!

– Маша, прошу, не убегай, давай поговорим!

– Убери от меня свои руки! – яростно прошептала она. – На них кровь Артема! Убийца!

Он не отпустил бы ее, если бы не милиционер, вбежавший в комнату. Тот увидел сквозь стекло, как задержанный хватается девушку, и бросился ей на помощь.

– Да подожди ты! – орал на него Илья, пытаюсь вырваться из рук конвоира. – Я должен поговорить с ней! Доказать, что невиновен!

Но его никто слушать не желал. Ни милиционер, ни Маша.

В камере, куда его швырнули, Илья расплакался от бессилия и обиды.

На следующий день к нему пустили тетю Марину.

– Что ж ты натворил, дурило... – протянула она, с жалостью глядя на Илью.

Но тот ничего не ответил, потому что не видел в этом смысла. Сказать, что он не убивал? А толку? Уж коли невеста ему не поверила, то тетю Марину, даже не друга, а скорее просто знакомую, он тем более не убедит.

– Ты прости меня, – услышал он неожиданные слова. – Это я тебя надоумила... Как узнала, что ты наделал, чуть с ума не сошла.

– О чем ты, тетя Марина?

– Так ведь я тебе вдолбила, что ты с Артемом должен по-мужски разобраться! Но не думала, что у вас до поножовщины дойдет и ты его...

– Да не трогал я его! Не то что ножом, пальцем! Когда я пришел, нож уже в горле его торчал...

И замолчал резко. Все он уже говорил это десятки раз, стоило ли снова повторять фразы, которые никто не принимает всерьез?

– Так это не ты?..

– Нет!

Она вскочила со стула, подбежала к Илье, наклонилась, обхватила его голову руками, прижала к себе.

– Бедный ты, бедный... – прошептала она. – Как же так?

– Ты веришь мне? – пораженно спросил он, подняв глаза на тетю Марину.

– Верю, – без колебаний ответила она.

Илья опять заплакал, теперь уже от радости. Она была сиюминутной, конечно, и все же принесла облегчение.

– Я верю, что настоящего убийцу найдут и меня выпустят! – с надеждой проговорил Илья.

– Будем в это верить, – кивнула тетя Марина. – А еще адвоката хорошего надо искать. У тебя деньги есть? Хотя о чем я? Ты все в свадьбу вбухал...

– Нет, у меня есть. Я на свадебное путешествие отложил. Хотел Машу в Питер свозить, она мечтала.

– Мало этого. Адвокаты дерут нещадно. Ну да ладно, посмотрим, что можно сделать...

Как потом Илья узнал, тетя Марина ходила к Маше. В первую очередь для того, чтобы убедить ее в невинности жениха (понимала, что для него ее вера станет главной поддержкой), но еще и денег попросить. Коли свадьба не состоялась, что-то осталось. Но Маша слушать тетю Марину не пожелала. И средствами не помогла. Сказала, что все потратила на похороны Артема. Взяла их на себя, потому что мать его умерла, а отец пил.

Адвокат, которого тетя Марина наняла, казался толковым, хоть и не очень опытным. Илья после разговора с ним еще больше уверился в том, что избежит заключения. Но...

Прокурор «размазал» молоденького адвоката по стенке, и Илье впаяли семь лет.

Глава 5

Таня пришла с работы и, еще не войдя в квартиру, услышала голоса, доносящиеся из-за двери. Детский и взрослый. Валин и Илюшин. Сын и брат издавали возбужденные крики и хохотали так громко, что звуки проникали в подъезд. Открывая дверь, Таня с грустью думала о том, что Костя никогда не играл с ее сыном, и если они оба были дома, когда она возвращалась с работы, в помещении стояла мертвая тишина. Ее мужчины друг с другом даже не разговаривали.

– Мама пришла! – вскричал Валентин, увидев Таню на пороге. Он весь вспотел, и его челка прилипла ко лбу. – А мы тут гонки на выживание устроили!

– Я вижу, – улыбнулась ему Таня. Хотя могла бы отругать за чудовищный разгром, который устроили сын с братом. Но решила не занудствовать: с мальчишкой впервые взрослый дядя возится. Отец его своим вниманием тоже не баловал. – Надеюсь, все выжили?

– Все! – радостно заорал Валя и, как ему казалось, незаметно запихнул под диван отломанное от кресла колесико. Кроме этого предмета мебели пострадали еще два грузовика, причем один новый, а также вазочка. Она упала на пол и треснула, но «гонщики» этого даже не заметили.

– А где Костя?

– Не приходил еще.

Таня постаралась сдержать беспокойство (опять ушел к матери?) и бодро проговорила:

– Ужин будет через полчаса. За это время вы, мальчишки, должны здесь все убрать!

– Ну, мааам... – заканючил Валя. – Мы еще поиграть хотим.

– И доломать кресло?

– Да оно само, мам.

Таня со значением посмотрела на брата, тот все понял и обратился к племяннику с предложением:

– А давай теперь поиграем в МЧС.

– Как это? – Глаза мальчишки загорелись.

– Будем разгребать вот эти завалы, – он указал на разбросанные по комнате предметы и груды подушек, изображающих, по всей видимости, гору. – Представь, что тут произошло страшное землетрясение, а мы с тобой спасатели.

Проницательный ребенок мгновенно раскусил дядю:

– И чем эта игра отличается от обычной уборки?

– Всем! Вот смотри... – И, схватив поломанный грузовик, Илья начал что-то изображать.

Таня не стала задерживаться в комнате и отправилась в кухню. Продуктов со вчерашнего дня осталось предостаточно, и она решила отварить спагетти, сделать к ним соус из креветок, а также порезать салат из овощей. Только она успела вынуть продукты из холодильника, как из комнаты донесся окрик Ильи:

– Танюшка, быстро сюда беги!

Не понимая, к чему такая спешка, Таня все же покинула кухню.

– Что такое? Опять что-то сломали? – спросила она, зайдя в комнату.

Валя, застывший возле дяди с машинкой в руке, замотал головой.

– Тут с тобой поговорить хотят, – сообщил он, ткнув пальцев в телефон, который держал Илья.

– Кто?

Сын пожал плечами. Таня вопросительно посмотрела на брата, но он только загадочно улыбался.

– Да кто там?

- Узнаешь, – хмыкнул он и сунул ей трубку.
- Алло...
- Таня? Таня, ты? – говорили с сильным акцентом.
- Я. А кто это?
- Это Дэн. Данила. Твой брат.
- Данила? – ахнула Таня. – Ну ничего себе... Как я рада!
- Таня, мы с Мэри... Мариной... в Москве. Завтра утром будем у вас. Встречайте!
- Да-да, конечно... А во сколько? И на чем вы приедете?
- Таня, плохо слышно! До завтра. Целую!

И в ухо ей ударили частые гудки.

- Ну, как тебе сюрприз, Танюха? – хлопнул ее по плечу Илья.
- Я ничего не понимаю... – беспомощно пробормотала она.
- А чего тут непонятного? Завтра ты увидишь наших младшеньких! Разве не здорово?
- Здорово, но... То никого, а то сразу все. Ты, они... Может, еще и Ромка объявится?
- Обязательно!

И тут Таня начала кое-что понимать...

- Илья, а ты не хочешь мне объяснить один момент?..
- Хочу. И не один.

Он усадил сестру на диван, а Вале дал знак, чтоб им не мешал. Пацан без лишних разговоров удалился. Уж лучше в другой комнате посидеть, чем уборкой заниматься, решил он, хотя уши погреть, как говаривали в их школе, конечно, хотелось.

- Ты с кем-нибудь, кроме меня, в эти годы общалась? – спросил у Тани брат.
- Только первые пару лет, потом – нет...
- Почему?
- Я потеряла всех.
- И не пыталась найти?
- А разве я могла?
- Конечно! – убежденно сказал Илья. – Ведь я тебя отыскал, когда ты сюда переехала.
- Это было несложно. Ты действовал через директора нашего детского дома, а у нее был мой адрес.

– Хорошо, согласен, это оказалось нетрудно. Но я и Ромку отыскал! Хотя на это потребовалось больше времени.

- Правда? И как он?

– Отлично. Но ты сама скоро в этом убедишься, он тоже приедет завтра. – Илья обнял Таню за плечи и потрепал ее по волосам, как в детстве. – Ты знаешь, сестренка, я о многом в тюрьме передумал. Времени было предостаточно, сама понимаешь... И так мне грустно стало, что мы, родные люди, потерялись. Я ведь тоже только с тобой общался. Близняшки в Америке, до них не добраться, а Ромка... Мы не очень ладили с ним.

– Тоже мне сказал, – хмыкнула Таня. – Да вы совсем не ладили! Он тебя ненавидел и боялся. А ты... ты его презирал.

– Нет, давай не будем бросаться такими фразами! Скажем, мы друг друга раздражали. Это бывает между братьями.

- Ты унижал его при всех, Илья, – с упреком протянула Таня.

Она помнила, как постоянно заступалась за младшего брата.

Он был очень худенький, пугливый, плаксивый... и какой-то уж очень нежный. Как первый весенний цветочек, выбившийся из-под снега. Однажды они играли, и Ромка натянул Танину юбку и мамин берет с бантиком. «Девчонка!» – захохотал Илья, тыча в брата пальцем. Рома тут же сбросил с себя «маскарад» и убежал в туалет плакать. Но старший брат не отставал, кричал через дверь все то же обидное для мальчика слово.

Подобные сцены повторялись регулярно. И ладно бы дома. Когда Ромка пошел в школу, Илья не отстал от него.

– Зачем ты с ним так? – резко спросила у него Таня, став свидетельницей того, как старший брат на школьном дворе прицепил младшего за ремень к турнику.

– А что он, как сопля голландская? Ни разу подтянуться не может? Пусть тренируется!

Таня тогда сняла Ромку с турника, а с Ильей два дня не разговаривала, потому что нельзя так с людьми, а уж с братьями...

И все равно Илья продолжал измываться над Ромкой. Причем, с его же слов, не для того, чтобы унижить его, а дабы закалить. Таня считала это чушью собачей. Закалять, оскорбляя перед другими? Что за метода такая?

Когда ребят забрали в детдом, думаете, отношения между братьями улучшились? Да, со стороны, пожалуй, именно так и казалось. Илья, как старший, взял на себя обязанности главы их маленького семейства (ведь отец с этим не справился) и стал защищать Ромку. Но когда они оставались одни, оскорбления продолжались. «Учись стоять за себя сам, тряпка! – цедил сквозь зубы Илья. – Или собираешься вечно прятаться за мою спину или держаться за Танюшкину юбку?» Но Рома не мог себя переделать. Уж таким он был, нежным, слабеньким, как подснежник. Когда Ромку изъявили желание усыновить, все удивились. Ладно, не маленький и не блещущий красотой мальчик, так видно же, что «зачуханный». Никто не верил, что потенциальные родители доведут дело до конца, думали: как узнают мальчишку получше, разочаруются, но не угадали. Рому усыновили!

– Я сделал брата мужиком, – стоял на своем Илья. – Сейчас он уверенный в себе человек, это по голосу понятно, а не чухан, над которым все измывались.

– В первую очередь ты, – не сдавала своих позиций Таня. – И в том, что Ромка стал уверенным в себе человеком, нет твоей заслуги. Если б его не усыновили и не увезли в другой город, наверняка он превратился бы в самого настоящего, как ты выражаешься, чухана.

– Тань, хватит, а? – поморщился Илья. – Не порти мне настроение, оно и так стало хуже из-за твоих нотаций...

– Ладно, умолкаю. Но мое мнение на этот счет никогда не изменится, знай это.

– Короче, завтра Рома приезжает, – буркнул Илья, помрачнев еще больше. – И близняшки. Так что готовься встречать.

– Во сколько, где?

– С московского поезда. Время прибытия узнаем в справочной.

– Но где мы все разместимся? – Она обвела взглядом комнату и беспомощно развела руками: – Места для всех даже на полу не хватит...

– Они в гостинице останутся. Рома уже забронировал номера.

И собрался уйти, потому что настроение было испорчено и разговаривать с Таней не хотелось, но она остановила его:

– Постой, ты же так мне ничего, по сути, и не рассказал...

– По сути, я тебе как раз все рассказал, – возразил Илья. – Завтра наши братья и сестра приедут в родной город и...

– Да не о том я. Как ты нашел их? Рому, ладно, он в России. А Маринку с Данилкой?

– Эти сами меня нашли. Я телеграмму получил от Данилки и Мэри. Они сообщили, что собираются в Россию, хотят увидеться со всеми нами, оставили номер мобильного, просили написать СМС. Я написал. Мне позвонили. Мы поболтали с Дэном. Обсудили будущую встречу. Он сказал, что послал запросы на всех, но первым нашелся я. Что неудивительно, ведь я меченый...

– И как они там?

– Ты что, американцев не знаешь?

– Откуда?

- Ну в кино же видела, наверное? У них всегда все «ок». Так и у наших.
- А занимаются они чем? Работают, учатся?
- Не знаю я. Дэн не очень хорошо по-русски говорит.
- Да, очень сильный акцент.
- Ладно акцент. Он половину слов не понимает. Забыл язык. Поэтому я только по существу вопросы задавал.

Тут распахнулась входная дверь, и на пороге появился Костя. Таня сразу же позабыла о своих родственниках, вспомнив о том, что ужин еще не готов. А поздно вечером, когда мужчины не только поели, но и улеглись, она открыла альбом со старыми фотографиями и долго рассматривала, мысленно возвращаясь в те далекие времена, когда они были вместе.

Глава 6

Она очень плохо помнила своих брата и сестру, малышей-двойняшек. Когда Таня видела их последний раз, они были пятилетними крохами. Оба плохо говорили. Марина по причине глухоты, а Данилка – отсталости. Он не был дебилом, просто немного недотягивал в развитии до своих сверстников. Но был невероятно хорошенький, несмотря на уродливую руку. Да и сестра-близнец тоже. Не так ярка, но очень мила. «Но с годами наверняка изменились. В нашей семье красавцем папа был, а они на маму похожи, – думала Таня, стоя на платформе в ожидании московского поезда. – Скорее всего, я их даже не узнаю. Ведь столько лет прошло, и они уже совсем взрослые...»

– Не дрожи, сеструха, все будет пучком! – подбадривал ее старший брат. Илюша держал ее под руку и чувствовал, как Таню потряхивает от волнения.

– Я их совсем не помню, – беспомощно выдохнула она. – Дай мне фото, я посмотрю еще раз.

Снимок, на котором все пятеро детей были изображены за несколько месяцев перед расставанием, Таня изучала не только вчера вечером, но и все утро, но этого ей показалось мало, и она взяла его с собой. Пока ехали в маршрутке до вокзала, она держала его на коленях, продолжая рассматривать. Илье это надоело, и он отобрал у нее фото.

– Некогда, вон поезд идет! – отмахнулся от нее брат. – Да и незачем. Сейчас живьем ребят увидишь.

– Страшно-то как! – пискнула Таня.

– Волнительно, а не страшно, – поправил ее Илья.

Они замолчали. А поезд, громыхая, уже тормозил у перрона. Когда он остановился и двери вагонов открылись, Таня зажмурилась.

– Уже можно, – сказал ей Илья через несколько секунд. Обычно он это говорил в детстве, когда они смотрели какой-нибудь страшный фильм и Таня зажмуривалась на самой пугающей сцене, и как только она заканчивалась, произносил эти слова. Это означало, что ужасный эпизод позади и Тане пора открывать глаза.

...И вот много лет спустя она делает то же самое. И видит перед собой молодых мужчину и женщину, и смотрит на них с радостью и удивлением. Ей приятно встретиться с родными после долгой разлуки. Хотя... какие они ей родные, если подумать? Да, кровь одна, но и только. А что кровь? Пусть не водица, но... Бывает, что человек, кровно с тобою не связанный, тебе близок так, будто родной. Эти же двое... Они чужие. Возможно, из-за того, что выросли на другом конце света. Они иные. Говорят с акцентом (пока они молчат, но Таня помнит разговор с Дэном), выглядят как-то непривычно. Хотя вроде на них джинсы, майки, толстовки – обычная молодежная одежда. А все равно – другая...

Данила стал настоящим красавцем. Лицо – идеальное. Черты точеные. Глазищи завораживающие. Но фигура субтильная, не то что у Ильи.

Марина тоже излишне худая. Таня подумала, глядя на брата и сестру, о том, что в Америке, наверное, мода такая, выглядеть истощенно. Чтоб тучные любители фастфуда, коих там, если судить по телепередачам, немало, завидовали. Таня и сама была худенькой, но выглядела... гармоничнее, что ли? Здоровее. Марина же с Данилой напоминали анорексиков.

– Привьет, Таня, как я рад! – воскликнул Данила и распростер объятия.

Его акцент резал ухо. И все равно Тане фраза, произнесенная братом, показалась песней. Она подалась вперед и обняла Данилу. Затем Марину.

– А уж как я рада! – выдохнула она, уткнувшись в волосы младшей сестры. – Ребятки...

Таня заплакала, не ожидая от себя этого. Глаза Марины тоже увлажнились. А вот Данила оставался холодным. Его красивое лицо не дрогнуло. Как будто он был совсем не рад встрече. А заветные слова сказал только из вежливости, что культивировалась в нем годами.

– Малышка моя... – Это произнес Илья. – Девочка...

И отобрал Маринку у Тани.

Когда она была крохой, он возился с ней больше остальных. Даже больше Тани, не говоря уже о матери. Та родила и... забыла об этом. За младшими ходила Татьяна. За Ромой, Данилой, Мариной. А Илья только за Мариной. Она его умиляла. И вот теперь девочка выросла, но не перестала быть Илюшиной любимицей.

– Я помню тебя, – выдохнула Марина. – Ты играл со мной... в... кочки-мычки...

– Кошки-мышки, – захохотал Илья. – Но я не думал, что ты все еще помнишь!

– Помнишь...

– Слушай, до меня ведь только сейчас дошло, что ты слышишь! Или ты по губам читаешь?

Марина убрала распущенные волосы и продемонстрировала слуховой аппарат.

– Еще потребовалась операция, – добавила она.

– Тебе тоже? – спросил Илья у Данилы, красноречиво посмотрев на его левую руку. Из-под манжеты выглядывала обычная кисть.

– Это протез, – сообщила Марина.

– А где Роман? – спросил Данила, сделав неправильное ударение на первый слог. Ему не хотелось обсуждать свою руку, это явно бросилось в глаза.

– А хрен его знает! – пожал плечами Илья. – Обещал быть сегодня...

И тут Таня увидела его... Романа.

Он кардинально изменился, и все же она сразу поняла: вот он, ее брат!

Такой же ладный, крепкий, как Илья, но с более развитыми мышцами. Было видно, что он завсегдатай тренажерного зала. Но не фанат. Лицо спокойное, но не такое бесстрастное, как у Данилы. Глаза смотрят с интересом, губы чуть улыбаются. И во всем облике непоколебимая уверенность в себе. То, чего так не хватало Роме-маленькому.

Он шел не один, а с женщиной. Ей было лет сорок пять на вид, возможно, чуть больше. Невысокая, хрупкая на вид. Рома очень бережно поддерживал ее под руку

– Я узнал тебя, Таня, – с улыбкой произнес он, подойдя. – По твоему боевому носу!

У нее действительно был боевой нос. Широкий, сильно вздернутый. В третьем классе она играла старуху Шапокляк без грима.

– А я тебя по твоему лбу неандертальца, – в тон ему ответила Таня. У Ромки были ярко выраженные надбровные дуги. Они даже загорали больше, чем все остальное лицо.

Рома и Таня обнялись.

– Это, как я понимаю, малые? – спросил брат, указав на Данилу и Марину.

– Они самые. Американцы.

– А это мама моя, Любовь Михайловна, – представил он свою спутницу.

– Очень приятно.

– Мам, это Таня, я тебе про нее много в последнее время рассказывал.

– Да, а вот раньше совсем не рассказывал. – Любовь протянула руку и нежно коснулась запястья Татьяны: – Я ведь очень хотела, чтоб Рома вас не забывал. Говорила ему: пиши братьям, сестрам, звони им. Можешь даже в гости пригласить! Но он будто забыл вас сразу, как мы его усыновили. Поэтому я очень удивилась, когда он мне две недели назад сказал о том, что мы поедem с вами встречаться. Я настояла на том, чтоб Рома взял меня. И он не смог отказать, уж извините его...

– Мы очень рады вам, Любовь Михайловна, – обняла ее Таня.

– А где старший брат? Ведь вас было пятеро?

– Вот и старший, – ответил Рома и кивнул на Илью.

Таня не уловила неприязни в его голосе. Но Рома был как-то слишком бесстрастен, чтобы она решила, что младший брат не помнит обид.

– А вы очень похожи на Рому, – заметила Любовь Михайловна.

– Нет, мы совсем разные, – хмыкнул Илья.

На самом деле приемная мать Романа была права. Между братьями прослеживалось сходство. И дело не в идентичности фигур (мало ли мужчин с подобными) и не в светлой масти (тем более что Илья был рыжеватым, а Рома пепельным блондином), а в чем-то неуловимом: жестах, мимике, походке. Глядя на этих двух молодых мужчин, сразу возникала мысль, они родственники.

– Здорово, брат! – первым приветствовал Илью Рома.

– Здорово.

Они не протянули друг другу рук для приветствия. Хотя Илья, казалось, собирался это сделать, но что-то его остановило.

– Вы приехали на том же поезде, что и Данила с Мариной? – спросила Таня у брата и его приемной матери.

– Рома хотел на машине, – ответила ей Любовь Михайловна, – а раз я напросилась, пришлось билет на поезд брать. Автомобили я плохо переношу. Тошнит меня в них.

– О, тошнит! – вспомнила значение услышанного слова Марина. – Понимаю. Меня тошнило в туалете поезда. Это... Нот импосибл...

– Невозможно! – подсказал Рома.

– Да. Невозможно. Ты знаешь английский?

– Не так чтобы отлично, но могу общаться. А вот ты молодец, не забыла родную речь.

– О, наши мама с папой... первые. Те, что увезли нас отсюда, были молодцы. Они не хотели, чтобы мы забыли культуру и язык нашей родины. Я и Дэн занимались. Только он перестал, когда мы сменили семью, а я продолжала. Поэтому я говорю лучше Дэна. Но он все понимает.

– Родственники, хорош стоять на перроне, пойдемте уже отсель! – воскликнул Илья и, обняв за плечи Маринку и Танюшку, повел их к привокзальной площади, где останавливался любой транспорт.

До отеля, где были забронированы Романом два номера – для себя и матери и для брата с сестрой, – поехали на двух машинах. Расплачивался с таксистами тоже Роман. Привычным движением «отстегивал» деньги, сдачу не брал – небрежно махал рукой. Таня смотрела на него и диву давалась. Куда делся тот пугливый стриж, каким она его помнила? Соколом стал Рома, настоящим соколом.

– Зал готов? – спросил он у метрдотеля, выскочившего из служебного помещения сразу после того, как Рома зарегистрировался.

– Все готово, Роман Евгеньевич. Но столы не накрывали до вашего приезда, чтобы ничего не заветрилось.

– Это правильно. Можете начинать.

– Ваших гостей в зал проводить?

– Нет, проводите в бар, пусть выпьют чего-нибудь.

Метрдотель учтиво склонил голову.

– Таня, Илья, подождите нас минут двадцать-тридцать, хорошо? – обратился Роман к брату с сестрой. – Мы вещи бросим, умоемся и присоединимся к вам в баре. После поужинаем. Я небольшой банкетный зал арендовал, чтоб нам не мешали.

– Ой... то есть мы тут на весь вечер? – спросила Таня.

– А ты куда-то торопишься?

– Да у меня просто сын уже из школы пришел и...

– У тебя есть сын?! – с восторгом спросил Рома.
– Да. Валя. Он в первом классе учится.
– Так зови его сюда! Один он доберется? Или такси за ним послать?
– Не надо, Валя у меня самостоятельный. Только... я не могу его одного позвать. У меня еще мужчина любимый есть.

– Муж?
– Нет, не совсем...
– Гражданский муж, – пришла ей на помощь Любовь Михайловна.
– Тоже зови! Он – часть твоей семьи, а значит, и нашей. Распоряжусь, чтоб еще два прибора поставили.

– Три! – внес коррективы Илья.
– У тебя тоже есть сын?
– Нет. Но есть дама сердца. Можно сказать, невеста. И я хотел бы ее пригласить на наш банкет.

– Приглашай.

И, сделав знак метрдотелю, Роман вместе с матерью удалился (близнецы поднялись в свой номер раньше).

– Дама сердца? – округлив глаза, спросила Таня. – Можно сказать, невеста?..

– А что тут такого?

– Ты в городе всего два дня. Когда успел?

– О, это целая история! Я расскажу тебе ее за коктейлем.

– Ладно, только я сначала позвоню Вале и Косте.

Она остановилась, не дойдя до бара нескольких метров, и набрала номер сына. Мальчишка, узнав о том, что он приглашен на банкет, заулюлюкал. Обрадовало его все: и возможность вкусно поесть, и познакомиться с родственниками, и провести вечер не в обществе Кости, который, как оказалось, уже был дома. Таня попросила дать ему трубку. И когда любимый отозвался, долго уговаривала его присоединиться к ним. Костя, как всегда, набивал себе цену. И придумывал причины, по которым не сможет приехать. То он не желает чувствовать себя лишним, то устал на работе, то хочет посмотреть футбол. Но Таня понимала, что он просто ломается («как девочка», – говорил ее семилетний сын), потому что не зря отпросился с работы пораньше, планировал провести вечер с ней и ее нагрянувшими родственниками. Таня с Ильей обсуждали возможность сходить всем вместе в кафе, но они никак не думали, что Роман, их пугливый стриж, уже обо всем позаботился и снял банкетный зал в лучшей гостинице города.

Когда она прошла в бар, Илья уже пил второй коктейль виски-кола.

– Чего будешь? – спросил он у сестры.

– Чай.

– Сеструха, брось! Давай хоть «Мохито», а?

– Не хочу спиртного.

– Безалкогольное могу сделать, – сказал ей бармен.

– Хорошо, давайте.

– Ну что, приедут твои?

– Да. А твоя?

– Обещала быть.

– Так кто она такая, твоя дама сердца?

– Ой, Танюха, не поверишь... – Илья криво усмехнулся и, хлебнув коктейля, начал рассказ: – Когда я во втором классе учился, была у меня соседка по парте Ленка Инина. Меня к ней пересадили, когда со мной парту делить отказались все девчонки. Я ж несносный был. Лягушек им в портфели подкидывал, майских жуков за шиворот бросал. И только Ленка меня

спокойно воспринимала. Я как-то стянул ее альбом и вместо бабочки, что там была нарисована, попу изобразил – подрисовал фломастером несколько линий. Я думал, что она увидит и ныть начнет или жаловаться побежит, как остальные. А она спокойно так заявляет мне: «Не хватает натурализма. Где ты видел зеленую попу?»

Таня улыбнулась. Надо же, восьмилетняя девочка, а так острит.

– Год мы с ней просидели вместе. Я ей пакостил первое время, а потом перестал. Ленка действовала на меня умиротворяюще. Но она мне не нравилась как девочка. Толстая, с проводочными волосами, начинающими расти чуть ли не над бровями, она была не привлекательна. В нее никто из мальчиков не влюблялся, но ни один ее ни разу не обидел. Она была очень хорошей.

– Я ее не помню.

– Неудивительно. Она только два класса проучилась со мной. Потом ее семья переехала в другой район, и она сменила школу.

Тане подали стакан с коктейлем. Листики мяты, лайм, много льда. Она попробовала, оказалось неплохо... Но слишком много льда! Лучше бы настояла на чае.

– Я думать о Ленке забыл. Хотя весь третий класс вспоминал. Не хватало ее. Но с годами... Сама понимаешь... – Илья допил коктейль. Бармен вопросительно кивнул: типа, еще? Илья покачал головой. – И вот сижу я в тюрьме. В свободное время – тоска. Читать разлюбил – в детстве, видимо, перечитал, телик надоел, а что еще? Только телефон. И Интернет через него. Зарегистрировался в одной социальной сети, в другой. У нас многие ребята так делали. Но больше на сайтах знакомств висели. Женщинам нежности писали, а сколько обещаний давали! Большинство просто от нечего делать. Некоторые надеялись устроить свою судьбу, чтоб ждал кто-нибудь на воле. А лучше приезжал с передачками. Но я считал это неправильным. Я – тут. Они – там. Зачем им время на меня тратить? Ведь неизвестно, как я устроюсь, когда выйду. А она на меня надеется. Поэтому я знакомился только ради общения. И вот как-то смотрю фотографию, что выложил один из пользователей. Ник «Ленин». На ней земляничная поляна. Ну точно такая, как за тем домом, где мы жили до того, как переехали в большую квартиру. Оставил комментарий восторженный. И тут же получаю сообщение: «Илюша, неужто это ты?»

– Лена Инина? Лен-Ин?

– Да. Она. Представляешь?

– Изменилась?

– Нет, – засмеялся Илья. – Совсем не изменилась. Такая же толстая и косматая... И все такая же замечательная! Мы переписывались семь месяцев. И в Интернете, и по почте. И еще разговаривали по телефону. Она стала мне... родной. Ты прости меня, но Лена была на тот момент мне ближе, чем ты. Наверно, потому, что знала всю правду обо мне. На первом месте моя драгоценная подруга, тетя Марина, за ней Лена, и только на третьем месте ты. На четвертом – никого. Пусто!

– Она приезжала к тебе?

– Хотела, но я не позволил.

– По той же причине, по какой и мне не сказал правды? Не хотел стать обузой?

– Не хотел. Не знаю, может быть, я не вел бы себя так правильно, если бы впереди были годы заключения, но мне оставалось меньше года.

– Так ты приехал в наш город ради нее?

– Честно?

– Да уж, пожалуйста.

– Скорее всего, я бы и не приехал! Именно ради нее. Когда вышел, огляделся вокруг, вник в происходящее, то понял, что от тюремного клейма не избавлюсь никогда. И ладно меня на работу будут брать с неохотой, можно же на самого себя как-то заработать... Я ведь и плот-

ничаю, и машину хорошо вожу. Главное, женщина, что меня выберет, станет... – Он некоторое время подбирал слова, наконец щелкнул пальцами и закончил фразу: – Объектом осуждения родственников и друзей – вот! Как же, связалась с бывшим заключенным, будто других мужчин нет! Да еще убийцей. Мало ли что на уме у него, придушит еще в порыве гнева...

– Мне кажется, ты сгущаешь краски.

– Да ладно! Твой мужик вон косится на меня с такой опаской, будто на моем плече автомат Калашникова висит, в зубах граната, а в руке скальп последней жертвы...

– И все же ты решился на встречу, – перебила его Таня, не желая углубляться в тему, затронутую братом. Слишком она шекотлива. Ей самой не нравилось отношение Кости к Илье, но что она могла с этим поделать?

– Уж коли приехал в родной город... Подумал, нехорошо будет, если не увижусь с Ленкой. Некрасиво.

– Правильно. И как она тебе встретила?

– Танюшка, ты бы видела, как просветлело ее лицо! Оно прям засияло от счастья. И в этот момент она такой невероятной красавицей мне показалась, что я дар речи потерял.

– И влюбился?

– Не скажу, что потерял голову, но... Понимаешь, Таня, я уже пережил любовь сумасшедшую. И не способен больше на такую. Но это и здорово! Сколько я страдал из-за нее, любви этой, и не передать.

– Но ты серьезно собираешься жениться на Лене?

– Если она не передумает, обязательно женюсь.

– Здорово! – воскликнула Таня и, не сдержавшись, подалась вперед и чмокнула брата в щеку.

– Ну а ты, сестренка?

– Что я?

– Хочешь связать свою судьбу с этим?... – И он поморщился. Неприязнь была взаимной.

– Я бы с радостью, Илюша, да Костя не зовет, – совершенно искренне ответила Таня.

– Так его любишь?

– С ума по нему схожу.

– Надо же!

Таня решила сменить тему, чтобы не услышать от брата нелестных слов в адрес Кости:

– Как тебе наши малыши? Изменились они, правда?

– А по-моему, такие же. Только, конечно, взрослее. Я сразу узнал и Данилку, и Маринку.

– А Ромку?

– Тоже.

– Скажешь, и он такой же, как и раньше? – недоверчиво хмыкнула Таня.

– Нет, он другой, но ты же про малышей спросила.

– Я имела в виду всех наших младшеньких.

– Ромка... – Илья задумался. – Ромка – он подменный как будто...

– В каком смысле?

– Вот знал ты человека много лет и расстался с ним надолго и наконец встречаешь...

Вроде узнаешь его, но... Думаешь, нет, это не может быть он, хотя похож, да... Но не он. Как будто подменили его человеком схожей внешности. Потому что можно измениться со временем – постареть, поправиться, полысеть и так далее, – но стать совсем другой личностью – никогда.

– Как в фильме «Сомерсби» с Ричардом Гиром?

– Не знаю, не смотрел.

– Там главный герой возвращается с войны, и все замечают, что он... Федот, да не тот. В том числе и жена. Думали, война его так изменила. А оказалось, другой человек выдавал себя за погибшего Сомерсби. В конце фильма его казнили. Я так плакала...

– Может, это не Ромка? – с каким-то детским волнением выпалил Илья.

– Да брось! Конечно, это он. Просто изменился сильно. И слава богу. Был зашуганный, жалкий, а теперь ты посмотри на него!

– Лучше ты посмотри! – засмеялся брат, взгляд которого был устремлен на дверь.

Таня обернулась.

Глава 7

В бар, близоруко шурясь, вошла женщина и стала озираться. Полная, невысокая, с очень густыми и жесткими волосами, собранными в хвост на затылке, но некоторые пряди из него выбились и торчали надо лбом в разные стороны. Таня поняла, что это Лена Инина, Илюшина дама сердца, и едва сдержала разочарование. Хоть брат и говорил, что она толста и лохмата, все же ей девушка представлялась более привлекательной. Бывают очаровательные пышки, аппетитные и грациозные, несмотря на лишний вес. Лена же напоминала не сдобную булочку, а... буханку ржаного, что ли? Квадратная, плоскогрудая, вся какая-то несуразная. Да и одета совершенно нелепо – в брюки капри, делавшие ее еще ниже и шире, и бархатный пиджак, похожий на парадный наряд директрисы средней школы пенсионного возраста, и под ним – трикотажную футболку в цветочек. Волосы же Лены Таню просто убили. Они не знали укладки, покраски и, казалось, хорошего шампуня. Складывалось впечатление, что Лена мыла их мылом, вытирала, расчесывала и даже не пыталась уложить. «Ей бы хорошие средства для мытья головы подобрать, отрастить и завить волосы и придать им медный оттенок...» – подумалось Тане. В ней всегда просыпался профессионал, когда она видела людей с неухоженной шевелюрой. А вдогонку за этой мыслью возникла другая: «Родственники и друзья Елены вряд ли станут упрекать ее в том, что она связалась с эком, поскольку такие дурнушки, как она, обречены на одиночество. На нее наверняка никто даже не смотрит, и нет никакой надежды выйти замуж. А тут какой-никакой, но мужчина с серьезными намерениями. Пожалуй, Илюша слишком хорош для нее, даже невзирая на темное прошлое...»

Пока Таня рассматривала даму сердца брата, разочаровывалась в ней и прикидывала, как ее можно приукрасить, Лена занималась лишь одним – высматривала Илюшу. И как только он попал в поле ее зрения, она просияла. Именно так, а не иначе. Просветлела лицом, озарившимся изнутри. И сразу стала совсем другой. Быть может, и не красивой, но невероятно приятной. И Таня мгновенно изменила к Лене свое отношение.

– Какая она приятная, – шепнула она брату.

– А я тебе о чем? – хмыкнул тот, встав и направившись к невесте.

Лена доходила Илье до подбородка. И казалась очень нескладной на его фоне. Брат высокий, гармонично сложенный, точно ясень, а Лена какой-то корявый дубок. И все же они вместе смотрелись. Ведь так бывает! Стройный ясень, выросший рядом с корявым дубком, вместе могли создать красивую композицию. Так же и Илья с Леной.

– Как ты быстро! – восхитился он оперативностью Лены. После его звонка прошло не больше двадцати минут. Даже если она жила неподалеку, собраться за столь короткое время крайне сложно. – Вот, познакомься, сестра моя. – Он подвел невесту к Татьяне.

– Очень приятно, – расплылась в улыбке Лена. Да не дежурно, а искренне.

– И мне приятно.

– Ленусик, что будешь пить? – спросил у нее Илья.

– Водочку, – ответила та.

– Наш человек! – Брат чмокнул Лену в щеку.

Дав знак бармену, он извинился перед дамами и удалился в уборную.

– Сидела как дура с утра при параде, ждала Илюшиного звонка, – выпалила Лена, плюхнувшись на крутящийся стул у стойки. Теперь, когда девушка была рядом, Таня увидела, что она подкрашена, только неумело. – Я обычно совсем не слежу за собой. Но для него хочу быть красивой, нарядной...

Если бы Таня не была так хорошо настроена по отношению к Лене, то наверняка не сдержала бы смешка. Это она сейчас красивая и нарядная? Тогда какая же обычно? С нечесаными космами и в рубище?

– Я никогда не ставила перед собой задачу стать лучше, чем есть, – продолжала Лена. – Это я про внешность. Привыкла к себе, дурнушке. Брала другим. Мужчин в том числе. Вы, наверное, не поверите, но у меня было много поклонников. Некоторые жениться предлагали. А я всем отказывала.

– Почему? Не хотели замуж?

– Хотела. Очень. Но только за одного, конкретного, мужчину...

– Моего брата?

– Да. Я его с первого класса люблю. Но когда мы переехали, я дала себе слово забыть Илюшу. И последующие годы только этим и занималась. И все равно не получилось у меня. Когда повзрослела да поумнела, поняла, что Илья – мужчина моей жизни. Попыталась разыскать его, но оказалось, что уехал он из города.

– Представляю, как вы обрадовались, когда он написал вам?

– Прыгала до потолка, как девочка, получившая в подарок свою первую Барби, – засмеялась Лена.

– И вас не смутило, что Илья тогда отбывал срок?

– Нет. Но я очень расстроилась, когда об этом узнала. Поплакала даже. Но не от разочарования или еще чего-то, я за Илюшу распереживалась. Сидит человек ни за что, как это страшно...

– То есть вы сразу поверили в его невиновность?

– Конечно!

Таня восхитилась Леной. Какой чистый человек! Она, сестра Ильи, не на сто процентов уверена в его невиновности.

– Девочки, вы тут без меня не заскучали? – послышался голос брата.

– Соскучились, – выдохнула Лена и приникла к Илье, едва он подошел.

– О, а вон и наши! – воскликнул он.

Таня и сама видела, что вслед за ним идут ее два брата и сестра.

– А где Любовь Михайловна? – спросила она у Ромы после того, как все познакомились с Леной.

– Неважно себя чувствует, решила полежать. Но обещала спуститься попозже. – Он оглянулся на близнецов: – Как вам российская действительность? Не сильно шокированы?

– О нет, все хорошо! – по-американски оптимистично ответила Марина.

– У них унитаз не работает, на подоконнике – дохлые мухи, – сообщил Роман остальным. – И это один из лучших номеров в лучшем отеле города. – После он указал на двери банкетного зала: – Пойдемте ужинать! – А бармену бросил через плечо: – На мой счет запиши...

Они проследовали в зал ресторана. Он был небольшим и очень уютным. Составленные вместе четыре стола накрыли белой скатертью. На ней стояли цветы, красивые приборы и несколько овальных блюд с нарезками. Тут были и мясные деликатесы, и рыбные, и причудливые фигурки из фруктов, и овощная мозаика. Кроме этого, бутылки с алкоголем. А едва те, ради кого это все было устроено, вошли в зал, как на столах появились еще и салаты-коктейли из морепродуктов, и заливное из языка.

– Роман, – обратился к брату Данила, снова сделав неправильное ударение, – это что?..

– Что? – не понял тот.

– Все для нас?

– Конечно.

Парень с обалделым видом осмотрел столы:

– Куда столько всего?

– Это только начало. Будет еще две смены блюд и десерт.

– Зачем? Это же очень много... и сильно дорого!

– Не парься, братишка, я плачу, – усмехнулся Роман, похлопав Данилу по плечу. – Отметим нашу встречу достойно!

– Не парься? – недоуменно переспросил тот и посмотрел на сестру в надежде, что та переведет незнакомое слово.

– Значит, не переживай! – разъяснил ему Илья, обняв брата за плечи. – Донт вори, би хэппи! – процитировал он строчку из гениальной песни, которую знает каждый второй.

Но Данила не мог расслабиться. Впрочем, как и Марина. У них в Америке такие банкеты устраивались только по грандиозным поводам, типа свадьбы или юбилея. А встречи друзей и родственников проходят в скромной обстановке небольших ресторанчиков, где каждый платит за себя.

Все расселись. Таня оказалась между братьями – Ромой и Ильей.

– А где твои? – спросил у нее младший.

– Едут. От нас удобнее всего на трамвае, а это долго...

– Это просто удивительно, – хмыкнул он.

– Что на трамвае долго ехать? – не совсем поняла она.

– Встретиться вот так... после стольких лет! Не думал, что когда-нибудь состоится наше... так сказать... воссоединение.

– А я всегда об этом мечтала.

– Ты всегда была душой нашей семьи! – Рома ласково на нее посмотрел. – И я думал, что если у кого из нас и возникнет желание организовать нашу встречу, то у тебя, а никак не у малых.

– Но ведь тебя не они, а Илья разыскал?

– Да. Но дальше разговора по телефону не зашло бы, если б Илья не сказал о том, что Данилка и Маринка собираются приехать.

– Ты по-прежнему его... недолюбливаешь?

– Илью? – Роман посмотрел на старшего брата, и лицо его на секунду исказилось. Тане показалось, на нем мелькнуло пренебрежение. – Нет, я к нему давно ничего не испытываю. Никаких чувств, ни положительных, ни отрицательных. В детстве же во мне те и другие боролись. Я любил Илью, восхищался им, хотел быть таким же. Но он издевался надо мной, убивая мою любовь к себе. Хотя я не успел его возненавидеть, меня усыновили.

– Хорошо, что вовремя... – пробормотала Таня.

– Эй, родственнички, чего ждем? – выкрикнул Илья. – Почему не наливаем и не выпиваем за встречу? – Он перегнулся через Таню и обратился к Роме: – Ты банкуешь, ты и команду.

– Давай я банкую, а ты будешь командовать?

– Лады!

Илья начал разливать напитки, прогнав официанта, пытавшегося это сделать.

– Рома, а ты чем занимаешься? – спросила Таня после того, как все выпили за встречу.

– У меня свой бизнес, – ответил тот, отставив фужер с чуть пригубленным вином и взявшись за стакан с соком.

– Судя по всему, успешный.

– Да, жаловаться грех. У меня самая крупная в городе сеть автомоек и салон по продаже подержанных машин.

– Ничего себе! Это сколько ж денег нужно, чтоб начать такое дело?

– Ну, начинал я с малого, – улыбнулся Рома. – В нашем гараже машины нелегально «Керхером» мыл. Да еще таксовал на отцовской машине. А через год мне посчастливилось дешево приобрести площадь под мойку и магазинчик при ней. Правда, для того чтоб это сделать, пришлось дом продать.

– Вы что же, на улице остались?

– Нет. Еще квартира была.

– А отец... Почему он тебе не помогал? Ушел от вас?

– Нет, он погиб. Мы с мамой вдвоем остались. И если б не она, ничего бы у меня не вышло. Это ведь она решила дом продать. Я бы не осмелился ей это предложить.

– Она очень хорошая, сразу видно...

Тут разговор пришлось прервать, потому что в банкетный зал влетел Валя и кинулся к матери. Торопливо чмокнув ее в щеку, мальчишка забрался на колени к Илье и стал со всеми знакомиться.

Валя был очень коммуникабельным. С удовольствием общался и с детьми, и со взрослыми. Быстро находил и с теми и с другими общий язык. И только с Костей не получалось, хотя Валя и пытался. Но, наткнувшись на стену равнодушия, прекратил свои попытки. Таня не уставала благодарить Господа за то, что он послал ей такого замечательного сына. Другой бы разобиделся на «отчима», а то и разозлился и поставил бы перед ней условие – бросить Костю. У ее коллеги Марины дочь не приняла нового избранника матери и добилась того, что та с ним рассталась. Истериками, бойкотами, прогулами занятий. Она даже из дома один раз сбежала, чтобы доказать матери, что не может находиться под одной крышей с «козлом» (она только так называла Марининою мужчину) и предпочитает на вокзале ночевать.

– Какой у тебя, Таня, большой сын! – удивилась Маринка.

– Он просто рослый, а так ему всего семь...

– Всего? Но тебе ведь нет и тридцати! У нас в твоём возрасте люди только начинают задумываться о детях, а у тебя уже такой богатырь! – Последнее слово она произнесла после паузы и с запинкой – не сразу вспомнила.

– А у нас женщины под тридцать уже считаются старородящими, – подала голос Лена.

– Предлагаю выпить за дам! – прогудел Илья. – Стоя!

– Надеюсь, не с локтя? – усмехнулся Рома.

– Это по желанию.

Мужчины поднялись вслед за тостующим. Данила – с задержкой. Не совсем понял, зачем нужно вставать, выпивая, так как не знал русских традиций.

Илья опрокинул в себя стопку виски. Костя от него не отстал. У Тани возникло нехорошее предчувствие, что он решил напиться. Рома опять сделал всего один глоток вина. А Данила отхлебнул пива. На столе пива не было, но по его просьбе принесли.

– Ну, американцы, а теперь расскажите о себе! – предложил Илья, взявший на себя обязанности тамады. – Как живете?

– О, у нас все ок! – отрапортовала Мэри, широко улыбаясь.

– А поподробнее?

– Я работаю в крупном журнале иллюстратором.

– О, ты рисуешь! Училась?

– Не в колледж... а у одного художника. Очень талантливого.

– А ты, Данила, чем занимаешься?

Брат, видно, отвык от своего имени, потому что прежде, чем он ответил, Маринка окликнула его «Дэн» и повторила вопрос.

– Я модель, – ответил парень.

Таня почему-то именно так и думала. Кем еще работать эффектно и недалеко парню, если не моделью. Одно непонятно: как он смог пробиться в бизнес красоты, имея физический недостаток? Или это сейчас в тренде, быть не таким, как все?

– И как у тебя идут дела? – поинтересовалась Таня.

– Ок, – услышала она привычный ответ.

– Покажешь журналы, для которых снимался?

– Нет с собой.

– В Интернете.

И снова «ок». Данила оказался не очень разговорчивым. Может, потому, что плохо знал язык?

Вскоре Рома, извинившись, вышел из-за стола. Решил проведать маму. А веселье продолжилось без него.

Глава 8

Рома тихонько повернул ручку на двери и на цыпочках вошел в номер. Это был «сюют», состоящий из двух комнат. Роман заглянул в ту, где спала мать. Она лежала на кровати, накрывшись одеялом. Оно оказалось подтянуто так высоко, что закрывало уши. У Любови Михайловны была такая привычка – зарываться в одеяло лицом, но так как в духоте спалось плохо, она немного его опускала, чтобы высунуть нос.

Подойдя к кровати и наклонившись, Рома прислушался к ее дыханию. Ровное, привычное, значит, все хорошо. Мама совсем не храпела. Это было, конечно, неплохо (он читал где-то, что храп опасен для здоровья), но ему было бы спокойнее, издавай она какие-то звуки во время сна. Тогда он знал бы, что она жива. А у Ромы всякий раз, как он заходил к ней, сердце сжималось от страха: почему так тихо, вдруг умерла?

Он вышел, прикрыв за собой дверь. Но не покинул номер, а проследовал в ванную, чтобы почистить зубы. После вина во рту был неприятный привкус. Роман почти не употреблял алкоголя. Три раза в году выпивал фужер шампанского – на Новый год, Восьмое марта и мамин день рождения. Напиток этот ему нравился на вкус, а вот его действие нет. После шампанского его со страшной силой клонило в сон, а потом начиналась изжога. На банкетах он пил вино. Вернее, делал вид, будто пьет. Отхлебывал по граммулечке. И за весь вечер, дай бог, принимал «на грудь» граммов двести. Он пробовал совсем отказаться от спиртного на торжественных застольях, но пришел к выводу, что легче делать вид, что пьешь, чем объяснять, почему не пьешь. С Ильей бы точно долго препираться пришлось. А сколько таких, как он?

Почистив зубы, Рома вышел из ванной. Хотел сразу пройти к выходу, но вернулся в комнату матери. Вспомнил, что не проверил, есть ли у нее вода под рукой. Вдруг понадобится, чтобы таблетку запить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.